

УДК 34

DOI 10.36511/2078-5356-2020-2-73-78

Конев Андрей Николаевич
Andrey N. Konev

доктор технических наук, кандидат юридических наук, доцент, начальник

Академия управления МВД России (125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8)

doctor of technical sciences, candidate of sciences (law), associate professor, head

Academy of management Ministry of internal affairs of Russia (8 Zoe and Alexander Kosmodemyan-skih st., Moscow, Russian Federation, 125171)

E-mail: press_akadem@mvd.gov.ru

Диалектика взаимодействия опорных концептов уголовного судопроизводства

Dialectics of the interaction of supporting concepts of criminal proceedings

Диалектическая двойственность как специфический методологический инструмент широко востребована уголовно-процессуальной наукой. Особенно явно потребность в диалектической раздвоенности заявляет о себе в сущностных разделах уголовно-процессуальной теории, в первую очередь в учении о типах и формах (моделях) уголовного судопроизводства. Однако типология — это не столько теория моделей процесса, сколько теория взаимоотношений, возникающих между этими моделями в ходе общей эволюции уголовного судопроизводства. Исходя из этого, идеология уголовного судопроизводства определяется не только опорными концептами, лежащими в основе «типологических идеологий», но и сложными отношениями, которые устанавливаются между этими концептами. Между концептами состязательности и инквизиционности существуют сложные многоуровневые отношения. Уголовно-процессуальная идеология в конечном счете есть лишь изменчивая форма инновационного (прогрессивного) оперирования неизменными (консервативными) базовыми концептами.

Ключевые слова: состязательность, инквизиционность, принципы уголовного процесса, идеологические основы уголовного процесса, бинарные оппозиции, опорные концепты.

Dialectical duality as a specific methodological tool is widely demanded by criminal procedure science. The need for dialectic dichotomy is especially evident in the essential sections of the criminal procedure theory, primarily in the study of the types and forms (models) of criminal proceedings. However, a typology is not so much a theory of process models as a theory of the relationships that arise between these models during the general evolution of criminal proceedings. Based on this, the ideology of criminal proceedings is determined not only by the supporting concepts that underlie “typological ideologies”, but also by the complex relationships that are established between these concepts. There are complex multi-level relationships between the concepts of competition and inquisitionism. Criminal procedural ideology is ultimately only a volatile form of innovative (progressive) operation with invariable (conservative) basic concepts.

Keywords: competition, inquisitionism, principles of the criminal process, ideological foundations of the criminal process, binary oppositions, supporting concepts.

Диалектика, как справедливо заметил выдающийся советский философ А.Ф. Лосев, есть единственный метод, способный охватить живую действительность в целом, единственно допустимая форма философствования [1, с. 20—21]. Сегодня уже мало кто отрицает по-

знавательную мощь диалектики, принимая как должное и нескрываемую парадоксальность этого метода, выражающуюся в том, что стремление к постижению цельности объекта в диалектике проявляется весьма специфическим способом. Это не просто мысленное разделе-

© Конев А.Н., 2020

ние объекта по естественным предпосылкам такого деления. Это расчленение объекта (порой «противоестественное») на два соперничающих элемента. Стремление видеть во всех явлениях окружающего мира скрытую двойственность и противоречивость подарено современной науке древней философией именно посредством диалектического метода познания.

Причем диалектика во всем своем «дихотомическом» величии предстает не только как инструмент человеческого познания, но и как явление вселенского масштаба, опирающееся не на какие-то условные правила, а на глобальные законы, которые в свою очередь определенным образом иерархически ранжированы. И первый закон диалектики (первый по естественному праву бытия) это закон — «раздвоенности единого» (по мнению А.Г. Войтова, первый закон диалектики должен именоваться только так, а не иначе. Все иные версии его наименования, в частности, очень распространенный и более привычный вариант — закон «единства и борьбы противоположностей» акцентируют лишь самые развитые проявления этого закона, но не его суть [2, с. 327—344]). Да иначе в плане первенства законов и быть не может, поскольку даже речевая интуиция подсказывает, что именно раздвоенность как некий постулируемый принцип Вселенной и предопределила появление диалектики; эта генетическая двойственность так и рвется из самого имени — «диалектика»: она ведь зовется не «три-алектика», не «моно-лектика», а именно «ди-алектика». По нашему мнению, частица «ди» есть прямой указатель на устремленность осмысления действительности через двойственность и намек на то, что данная двойственность задается высшими объективными законами бытия.

Диалектическая двойственность как специфический методологический инструмент широко востребована уголовно-процессуальной наукой. Самая популярная ныне идея составительности (как сюжет для борьбы процессуальных противоположностей) давно из сферы уголовно-процессуальной формы переместилась в сферу уголовно-процессуального теоретизирования. Особенно явно потребность в диалектической раздвоенности заявляет о себе в сущностных разделах уголовно-процессуальной теории, в первую очередь в учении об исторических, морфологических и прочих типах и формах уголовного судопроизводства. Именно в силу своей «природной» диалектичности, ярко проявляющейся в ключевых идеях (опорных концептах), присущих определенным типам

процесса, типология уголовного процесса является эффективным методом изучения истории и современной природы уголовного процесса, а также средством предсказания и прогнозирования дальнейших путей развития уголовно-процессуальной деятельности.

Диалектический принцип познания в учении о типологии тоже проявляется двояким «диалектическим» образом. Первое проявление этого принципа заключается в эволюционном подходе к типологии уголовного судопроизводства, привязывающем типы процесса к естественно-историческим периодам развития общества и присущего этим периодам специфического общественно-политического базиса. Именно этот подход, по мнению профессора М.А. Чельцова-Бебутова, должен доминировать в формировании истинной типологии уголовного судопроизводства [3, с. 24—25]. Указанный ученый исходил из того, что типология не должна использовать упрощенные познавательные алгоритмы, фактически подменяющие понятия типов и форм процесса и укладывающие эволюцию уголовного судопроизводства в стерильную схему превращения обвинительного процесса в розыскной, а затем полное или частичное (как в смешанной форме) отрицание розыскного процесса в пользу процесса составительного. «Такая схема исторического развития форм процесса, — пишет он, — исходит из идеалистических представлений об общественном развитии и совершенно не отвечает действительности» [3, с. 21].

Ремарка по поводу научной несостоятельности «идеалистических представлений» напомнила нам позицию Е.Г. Васильевой о том, что идеализация не всегда релевантна истине [4, с. 10]. Однако мы еще раз хотим отметить, что «идеализация» это один из эффективных теоретических путей к истине, настолько же эффективный, как и весь научный метод. Как справедливо заметил А.А. Зиновьев: «Сам по себе научный подход не гарантирует истину. Но его целью является все-таки истина, а не воздействие на умы и чувства людей, не имеющие ничего общего с познанием. Фраза “Платон мне — друг, но истина дороже” тут не просто крылатое изречение, а обязательное правило» [5, с. 172].

Уголовно-процессуальная концептология не отрицает метода идеализации, а, напротив, приветствует его. Поэтому мы не будем устраняться от идеализации в части постижения диалектики взаимодействия опорных концептов, равно как не будем и уклоняться от допущения, что диалектическое противопоставление этих

концептов в большей степени есть метод теоретизирования, нежели «слепок» реальности.

Указанный метод теоретизирования составляет выражение второго проявления принципа диалектического подхода в уголовно-процессуальной типологии. Условия, диктуемые данным методом, как можно судить по имеющимся публикациям, принимаются и научным большинством. Первая установка заключается в том, что в реальной правовой действительности в «чистом» виде типы процесса не существуют, а их теоретические модели служат лишь средством выявления наиболее существенных связей и отношений, присущих процессуальной реальности. Иными словами, розыскной и состязательной типами являются отправными абстрактными моделями уголовного процесса, позволяющими характеризовать их ключевые стороны, выявлять и описывать сущностные признаки, формировать понятийный аппарат и первичную концептуальную основу соответствующей этим типам уголовно-процессуальной технологии. И вторая (неразрывно связанная с первой) установка: анализ идеологического и методологического состояния современного уголовного судопроизводства осуществляется исходя из явной противоположности розыскной или состязательной форм процесса.

Таким образом, уголовно-процессуальная типология обретает роль познавательного инструмента, задающего определенные телеологические ориентиры. И эту роль мы ощутили непосредственно. В рамках настоящего исследования нас интересуют не столько сами типы уголовного судопроизводства, сколько стоящие за ними исторические идеологические проекты и «извечные» ключевые концепты. Помимо этого, современные способы конструирования типологии выводят нас на мысль о том, что типология — это не столько теория моделей процесса, сколько теория взаимоотношений, возникающих между этими моделями в ходе общей эволюции уголовного судопроизводства. Исходя из этого, мы выдвинули гипотезу, согласно которой идеология уголовного судопроизводства определяется не только опорными концептами, лежащими в основе «типологических идеологий», но и сложными отношениями, которые устанавливаются между этими концептами.

Более того, можно сделать допущение, что уголовно-процессуальная идеология в конечном счете есть лишь изменчивая форма инновационного (прогрессивного) оперирования неизменными (консервативными) базовыми концептами. На почве этого допущения у нас

возникла мысль о том, что каких-то новых идей, творящих какие-то новые идеологии, в современном уголовном процессе нет. Более того, их и не может быть, поскольку базовые концепты состязательности и инквизиционности — есть некая извечная данность.

Точнее извечную данность представляют не сами эти концепты (они в конечном итоге тоже лишь формы), а порождающие их «прима-концепты». «Розыскная идея, равно как и состязательная, — пишет А.Ю. Шуров, — питается энергией, источник которой находится за пределами уголовного судопроизводства. Им является сама цивилизация, ее ключевые методологические открытия. В связи с этим уловить истинные причины возникновения данных идей можно только опираясь на глобальную картину исторического развития» [6, с. 116].

В конечном итоге А.Ю. Шуров приходит к выводу, что выводить концепты состязательности и инквизиционности следует из условного «градуса рациональности», присущего определенной ступени развития общества. Он, в частности, указывает, что: «идеологический подход к осмыслению причины появления уголовного процесса розыскного типа позволяет установить, что изначальной причиной смены уголовно- процессуального порядка стала мировоззренческая революция, на волнах которой в мифологическое мировосприятие общества стали внедряться концепты прагматической ценности и рациональности. Розыскной тип процесса ознаменовал начало эпохи рациональных доказательств, торжество познавательных способностей человека. С тех самых древних времен уголовное судопроизводство представляет собой преимущественно интеллектуальную технологию. В интеллектуально-технологическом контексте подход, заключающийся в конкурентном позиционировании состязательности и розыска, есть не что иное, как исторический пережиток. Практический уголовный процесс давно уже примирил и сблизил эти идеи через модель смешанного уголовного судопроизводства. Практическая конвергенция должна получить серьезный теоретико-методологический фундамент» [6, с. 116].

Это очень хороший посыл и призыв. Однако «серьезный теоретико-методологический фундамент», к которому призывает А.Ю. Шуров, не может обойтись без глубокого раскрытия диалектики опорных концептов. И здесь ключевые слова «смешение» и «конвергенция», которые невольно прокрадываются в теоретический концепт, могут сослужить плохую услугу ис-

следователю. Сам А.Ю. Шуров, как следует из его публикаций, призывает не к методологическому сближению и смешению этих концептов, а к сближению политическому. Он призывает перейти от войны к миру, от конфронтации к сотрудничеству. Но это не призыв к концептуальной трансформации самих идей состязательности и инквизиционности, поскольку будучи концептами они модифицированы быть не могут. Однако вполне возможно, что неподходящими в диалектике развития являются и слова «противоборство» и «конкуренция».

Для понимания диалектики взаимодействия опорных концептов уголовного судопроизводства, на наш взгляд, здесь более уместен подход, присущий диалектике мужского и женского начала в организации жизни. Эти начала возникают изначально как проявление все того же закона диалектики — раздвоенности единого, и находят свое воплощение на «животном» и социальном уровнях, причем воплощение разное по «технологии». На «животном» уровне эти начала, по нашим представлениям, находятся в определенной гармонии; на социальном же выстраиваются в разные управленческие концепции власти-подчинения — матриархата, патриархата, «домостроя», феминизма и т. п. Иными словами, можно говорить о том, что есть, как минимум, два уровня взаимодействия мужского и женского начал: «животный» (генетический) и социальный. Первый уровень — идеологически нейтральный — предполагает гармонию, выражающуюся в том, что взаимодействие этих начал являет нам вселенское понимание целостности всего живого, разделенного по половому признаку. Второй уровень — агрессивно идеологический, — напротив, предполагает дисгармонию и конкуренцию, наличие специальной уравновешивающей социальной технологии. Впрочем, дисгармония в социальном контексте при определенном взгляде может оказаться лишь специфическим видом отраслевой гармонии.

Такой же подход (проявление исходного космогенеза «инь» и «ян»), по нашему убеждению, вполне присущ и отечественному уголовному судопроизводству. Разница заключается лишь в том, что о взаимодействии базовых концептов юридическая наука рассуждает лишь на уровне их социального соприкосновения. А «генетический» уровень диалектики базовых концептов остается без внимания. Точнее, этот уровень вообще исключается из научного анализа. Те же ученые, которые лишь косвенно задумываются над этим уровнем, приходят к очень интересным выводам. Так, все тот же А.Ю. Шу-

ров, попытавшийся углубиться в сущность взаимоотношений состязательности и розыска, высказал следующую интересную мысль: «идеи состязательности и розыска не являются противоположными процессуальными идеями. Равно как изначально не являлись противоположностями и «материнские» идеи, лежащие в их основе. Конкурентные отношения этих идей вытекают не из внутренней методологической природы, а из конкретных прикладных задач, которые пытается решить с их помощью человечество» [7, с. 281].

Нас подобные рассуждения вдохновили на интересную мысль в плане прикладных целей уголовно-процессуальной концептологии. Поскольку изначально «генетический» уровень взаимоотношений базовых концептов предполагает гармонию, то и в поисках идеологических основ исходного уровня нужно двигаться до этого гармоничного уровня.

Однако это пока лишь интуитивная гипотеза, которая требует проверки. Пока же мы с полной уверенностью можем констатировать лишь то, что между концептами состязательности и инквизиционности существуют сложные многоуровневые отношения. Именно — сложные и многоуровневые. По нашим представлениям, современная уголовно-процессуальная наука подходит к этим отношениям достаточно упрощенно.

Но упрощенность здесь означает лишь плоскость и одномерность имеющихся подходов. Не отрицая в принципе того, что отношения между опорными концептами сложные, наука ограничивает обитание этой сложности преимущественно одним смысловым полем. Основной акцент диалектика уголовно-процессуальной типологии делает на противопоставление ключевых идей, формирующих существо соответствующих типов уголовного процесса. Противопоставляются как сами опорные концепты — состязательность и розыск, так и системы производных от них идей-принципов.

В обозначенном парадигмальном поле упрощенным этот подход тоже выглядит достаточно условно, поскольку применительно к обнаруженным и признанным формам отношений опорных концептов все более чем серьезно и ответственно. Применение диалектического принципа в уголовно-процессуальной типологии (на уровне противопоставления) предполагает сложные исследовательские схемы. Наука исходит из того, что построение объяснительных понятийных теоретических моделей, позволяющих диагностировать проблемные явления

уголовно-процессуальной действительности и устанавливать различные эмпирические и теоретические зависимости между этими явлениями, возможно только на высоком методологическом уровне, предполагающем теоретическое генерирование идей относительно сущего и должного в построении уголовного процесса (принципов) в конкретный период развития судопроизводства.

Вряд ли возможно оспорить тот факт, что в формировании облика современного уголовного процесса участвует целая группа принципов (как вечных, так и преходящих), интегрированных в сложную систему, порождающую новое качество уголовного судопроизводства, присущее ему в целом, но не свойственное ни одному из составляющих ее (систему) элементов. Очевидным является и то обстоятельство, что на данную систему оказывают влияние и «типологические принципы». Именно поэтому диалектическое осмысление уголовного судопроизводства через сопоставление основных идей, положенных в основу того или иного типа процесса, представляется весьма актуальным.

На возможность познания сущности смешанного типа уголовного процесса через призму системы принципов, присущих другим типам, указывает А.В. Смирнов. По его мнению, «смешанный процесс рассматривается как принадлежность не идеальной, а морфологической типологии. Смешение розыскных и состязательных элементов может происходить не только на уровне функций, но и на уровне принципов» [8, с. 24].

Диалектический подход к воздействию «типологических принципов» на реальное уголовное судопроизводство опирается на теоретические положения, согласно которым констатируются следующие допущения: 1) поскольку существует несколько видов уголовного процесса, постольку есть и несколько систем уголовно-процессуальных принципов, лежащих в их основе [9, с. 138—142]; 2) для смешанной формы уголовного процесса характерно одновременное присутствие принципов розыскной и состязательной формы [10, с. 113], которые «будучи противопоставлены друг другу, обеспечивают синхронное состояние действующей структуры» [9, с. 160]; 3) для каждого из видов уголовного процесса существует не одна, а, как минимум, две — абстрактная и реальная (подлежащая реализации, а в ретроспективном плане — реализованная) — системы принципов [11].

Наличие реальной системы принципов уголовного процесса, выраженной в уголовно-процессуальном законодательстве, важно с методологической точки зрения, так как она является своеобразным объективным мерилom и позволяет судить о том, насколько принципы розыскного или состязательного процессов в ней доминируют. Отношение этих принципов может быть как гармоничным, так и дисгармоничным (что демонстрирует современная нормативная система принципов российского уголовного процесса).

Стремление к определенной гармонии побудило ученых выдвинуть гипотезу о существовании бинарной системы принципов уголовного процесса и разработать соответствующую этой гипотезе концепцию. Но это уже тема для отдельной статьи.

Примечания

1. Лосев А.Ф. *Философия имени*. М., 1990.
2. Войтов А.Г. *Самоучитель мышления*. М., 1999.
3. Чельцов-Бебутов М.А. *Курс советского уголовного-процессуального права*. Т. 1. М., 1957.
4. Васильева Е.Г. *Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование*. М., 2012.
5. Зиновьев А.А. *Фактор понимания*. М., 2006.
6. Шуров А.Ю. О новом подходе к осмыслению предпосылок возникновения уголовного процесса розыскного типа // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2017. № 4 (43).
7. Шуров А.Ю. Античные корни состязательности и розыска (инквизиционности) // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2016. № 4 (36).
8. Смирнов А.В. *Типология уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук*. М., 2001.
9. Александров А.С. *Диспозитивность в уголовном процессе*. Н. Новгород, 1997.
10. Ковтун Н.Н. *Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: монография*. Н. Новгород, 2002.
11. Гриненко А.В. *Система принципов и цель производства по уголовному делу* // *Правоведение*. 2000. № 6. С. 179—191.

References

1. Losev A.F. *Philosophy of the name*. Moscow, 1990. (In Russ.)
2. Voitov A.G. *Tutorial thinking*. Moscow, 1999. (In Russ.)
3. Cheltsov-Bebutov M.A. *The course of Soviet criminal procedure law*. Vol. 1. Moscow, 1957. (In Russ.)

4. Vasilieva E.G. Criminal process: dogmatic axiological research. Moscow, 2012. (In Russ.)
5. Zinoviev A.A. Understanding factor. Moscow, 2006. (In Russ.)
6. Shurov A.Yu. About a new approach to understanding the prerequisites for the emergence of a wanted criminal process. *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 4 (43). (In Russ.)
7. Shurov A.Yu. The Antique Roots of Competition and Investigation (Inquisition). *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 4 (36). (In Russ.)
8. Smirnov A.V. Typology of criminal proceedings. Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow, 2001. (In Russ.)
9. Alexandrov A.S. Dispositiveness in criminal proceedings. Nizhny Novgorod, 1997. (In Russ.)
10. Kovtun N.N. Judicial control in criminal proceedings in Russia: monograph. Nizhny Novgorod, 2002. (In Russ.)
11. Grinenko A.V. The system of principles and the purpose of criminal proceedings. *Jurisprudence*, 2000, no. 6, pp. 179—191. (In Russ.)